

БЕРДЯЕВСКАЯ МОСКВА (Опыт философского краеведения)*

А.А. КАРА-МУРЗА

В год 140-летия Николая Александровича Бердяева (1874 — 1948) московские философы и историки-краеведы должны в очередной раз отметить тот факт, что Бердяев, родившийся в Киеве и скончавшийся в Кламаре под Парижем, был по своему складу в значительной мере «москвичом»¹. Уникальную роль в этом сыграла и интеллектуальная жизнь Москвы, особенно в последние перед высылкой из большевистской России годы.

Увы, Москва пока не потрудилась установить ни одного мемориального знака Бердяеву (заметим, это сделано не только в его родном Киеве, но и в Житомире, Судак), а с его московскими адресами до сих пор происходит неприличная путаница — даже в изданиях, претендующих на академичность. Юбилейный год — хорошее время, чтобы разобраться с московскими (весьма содержательными) фрагментами жизни Бердяева, и сделать это должны профессиональные краеведы в содружестве с историками русской философии.

Н.А. Бердяев в первый раз относительно надолго поселился в Москве осенью 1908 г.², когда, приехав из Санкт-Петербурга (и получив там опыт работы в журналах «Вопросы жизни» и «Новый путь»), начал работать в «Московском еженедельнике», издаваемом М.К. Морозовой и кн. Е.Н. Трубецким. Тогда Бердяевы (Николай Александрович вместе со второй женой Лидией Юдифовной, урожденной Трушевой, в первом браке — Рапп³) поселились в меблированных комнатах Тимофеевой в доходном доме на углу Кривоколенного и Армянского переулков.

В большинстве изданий ошибочно говорится, что проживали они по адресу «Армянский переулок, д. 1», на самом же деле вход в двухкомнатную квартиру Бердяевых был со стороны Кривоколенного переулка, д. 8. Дело в том, что один из самых знаменитых в Москве доходных домов — «дом Микини» (или «дом-корабль», как его часто называют) — это два разных здания двух разных архитекторов, хотя и построенные в едином «стиле модерн» в 1901 — 1905 гг. Дом со стороны Армянского переулка построен В.А. Власовым для владельца М.М. Лернера; дом же со стороны Кривоколенного проектировал архитектор П.К. Микини для своего брата — подпол-

* Статья подготовлена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «“Локальные идентичности” как фактор развития русской философско-политической традиции», грант № 14-03-00798.

ковника инженерно-технической службы В.К. Микини. Все письма, отправленные Бердяевым с этого адреса в 1908 – 1911 гг., однозначно помечены: «Кривоколенный переулоч, дом Микини»; сюда же приходила и корреспонденция на его имя.

Добавим, что дом, где жили тогда Бердяевы, имеет свою историю. В 1797 г. здесь, у графа А.Ф. Санти (сардинского аристократа, отличившегося на русской службе), снимало квартиру лютеранское семейство Пестелей – московский почтмейстер Иван Борисович с женой Елизаветой Ивановной (урожденной Крок) и тремя малолетними сыновьями; в тот год их первенцу Паулю (будущему декабристу Павлу Пестелю) было четыре года. В 1831 г. наследники Санти продали владение Екатерине Львовне Тютчевой, матери Ф.И. Тютчева (кстати, любимого поэта Бердяева), которая жила здесь до 1840 г. Сменив затем нескольких владельцев, дом в 1856 г. перешел в собственность Михаила Никифоровича Каткова – магистра философии, известного московского издателя и публициста. Здесь, по адресу «Кривоколенный, д. 8», Катков, вместе со своим другом и единомышленником, историком и филологом П.М. Леонтьевым, издавал «Русский вестник», а потом и «Московские ведомости».

О жизни Н.А. Бердяева в маленькой квартирке в Кривоколенном переулочке осталось мало свидетельств. Одно из них принадлежит Е.К. Герцык: «Всегда острое безденежье – но убогость обстановки не заслоняла врожденной ему (Бердяеву. – А. К.) барственности. Всегда элeгантный, в ладно сидящем костюме, гордая посадка головы, пышная черная шевелюра, вокруг – тонкий дух сигары. Красивая, ленивая в движениях Лидия Юдифовна в помятых бархатах величаво встречала гостей. И за чайным столом острая, сверкающая умом беседа хозяина»⁴.

В период проживания в «доме Микини» Бердяев иногда, для удобства общения, снимал номера в меблированных комнатах «Княжий двор», расположенных на территории городской усадьбы князей Голицыных на углу Волхонки и Малого Знаменского переулочка. Именно здесь обычно останавливались иногородние участники заседаний Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева, одним из устроителей которых был Бердяев. Часто бывал он в те годы и в московских особняках меценатки Маргариты Кирилловны Морозовой, щедро спонсировавшей работу МРФО: на Смоленском бульваре; на Знаменке, д. 11 (там некоторое время работало издательство «Путь»); в новом особняке Морозовой в Мертвом (Пречистенском) переулочке, д. 9 (здесь теперь расположено посольство Дании).⁵ Помнит Бердяева и флигель усадьбы Хрущева-Котлярева на Пречистенском (ныне Гоголевском) бульваре, д. 31. Здесь в 1910 – 1916 гг. жил один из лидеров символистов Андрей Белый и существовало издательство «Мусагет»⁶.

Начиная с 1909 г. Н.А. Бердяев читал лекции в Университете имени А.Л. Шанявского, который располагался сначала в городской усадьбе Голицыных (отдельный вход был со стороны Волхонки), а потом и в новом здании на Миусской площади.

Примерно в те же годы Бердяев увлекся богословскими спорами, которые обычно проходили по воскресеньям в некоторых московских трактирах — так называемых «ямах»⁷. Есть достоверные свидетельства о посещениях Бердяевым одной из таких «ям» — трактира Чуева на углу Рождественки и Софийки⁸. Превращению этого рядового заведения в своего рода клуб способствовали два приятеля — известный всей Москве букинист А.А. Астапов и историограф Н.П. Бочаров (автор книги «Москва и москвичи»). Астапов имел тогда книжную лавку рядом с церковью Троицы в Полях у ворот Китай-города (на этом месте был потом поставлен памятник первопечатнику Ивану Федорову). По воскресеньям Бочаров шел к Астапову за очередной порцией редких изданий, и пока приказчики разыскивали нужные книги в обширных астаповских развалах, приятели отправлялись на Рождественку в находившийся в каких-нибудь трехстах метрах трактир Чуева. Очевидец вспоминал: «Приятели сделали “Яму” своей резиденцией. Около них всегда масса знакомых. Сидят, беседуют. От книги и русской старины один шаг до Бога. Даже шага нет. Русский простой человек именно в трактире больше всего любит говорить о божественном. За “книжниками” в трактир потянулись богоискатели»⁹. Говорили, на «чаепития» в чуевскую «Яму» в последние годы жизни любил заходить сам Владимир Сергеевич Соловьев. А в начале 1910-х гг. завсегдатаями богословских споров в «Яме» на Рождественке стали Н.А. Бердяев и С.Н. Булгаков¹⁰.

Атмосферу религиозных споров в «Яме» описала Е.К. Герцык, несколько раз сопровождавшая Бердяева: «...собирались сектанты разных толков, толстовцы, велись прения... Кругом за столиком с пазухами чайниками слушатели больше мещанского вида, но иногда и любопытствующие интеллигенты: религия в моде. Споры об аде: где он, реален или в душе?.. Это — мистики, для них смерти уже нет, и греха нет... Сколько индивидуальностей, столько вер. Та же страсть к игре мысли у этих трактирных, малограмотных, что и у философов, заседающих в круглом зале университета, а может быть и более подлинная. Случалось, когда посторонние разойдутся, останутся только самые заядлые, сдвинут столики, и Бердяев острыми вопросами подталкивает, оформляет их мысль, а потом не казенным, своим огненным словом говорит о церкви, о вселенскости»¹¹.

Особый период в московской жизни Бердяева — месяцы, проведенные в 1913 — 1914 гг. в особняке его друзей Гриневичей в Савеловском (ныне Пожарском) переулке. Некоторые биографы, основываясь на упоминаниях о «жизни на Остоженке», ошибочно помещают искомый

дом на улице Остоженка (и, разумеется, не могут его точно указать), путая собственно улицу и одноименный район Москвы. На самом деле, дом Гриневичей находился по адресу «Савеловский переулок, д. 10» — действительно, совсем рядом с Остоженкой.

Вера Степановна Гриневич, урожденная Романовская, дочь коменданта Судакской крепости, была хорошо знакома с семьей Бердяевых через сестер Евгению и Аделаиду Герцык. Женщина хорошо образованная и имеющая средства (муж, Павел Иванович, — богатый полтавский помещик), она была увлечена гуманитарно-просветительскими проектами и новейшими методиками детского обучения. В 1907 — 1908 гг. она организовала в Санкт-Петербурге издательство; позднее, после переезда в Москву, задумала открыть в своем доме гимназию для девочек с церковно-философским уклоном в память о Владимире Сергеевиче Соловьеве.

Гриневич предложила тогда не имевшим жилья в Москве Бердяевым пожить в ее доме. За отсутствием свободных комнат, она поселила их первоначально в большой парадной зале, которая некоторое время служила гостям и кабинетом, и столовой, и спальней. В феврале 1913 г. Евгения Герцык писала в Петербург Вячеславу Иванову: «Живу я теперь в гимназии Веры Степановны, все еще создающейся ее фантастической гимназии, и здесь же мы поселили Бердяевых, и живем пока как странники»¹².

Просветительно-педагогический проект Веры Гриневич, увы, не реализовался. В главе своих воспоминаний «Вера» Е.К. Герцык писала об этом: «Она (В.С. Гриневич. — А. К.) захвачена идеей создать школу, пронизанную евангельским духом любви и братства, истинной народной... Старинный особняк на Остоженке. Уют старого барства. Школа им. Вл. Соловьева. К идейному участию привлечены эпигоны славянофильства: памятные москвичам фигуры из дворянских переулочков. Менее всего заметны в школе дети... Перебои в уроках... Химера — эта школа на Остоженке, как и многое, что возникало в те обреченные годы (это был 913-й)»¹³.

При всем при этом «особняк Гриневичей» явно недооценен биографами Бердяева — некоторые из них даже считают, что дом вообще не сохранился. На самом деле особняк второй половины XIX в., перестроенный архитектором Б.Н. Кожевниковым в 1907 г. и имеющий сегодня адрес «Пожарский переулок, д. 6» (нумерация домов в прошлом веке сместилась, что и вводит подчас в заблуждение), — это и есть искомый «старинный барский особняк», где Н.А. Бердяев жил в 1913 — 1914 гг. Подтверждением этому служат старые фотографии из знаменитого собрания Э.В. Готье-Дюфайе. Среди них есть по меньшей мере две¹⁴ с видами Савеловского переулка «снизу» — от Нижнего Лесного (ныне Курсового) переулка по направлению к Остоженке, и относящиеся как раз к 1913 г. Богатый дом Гриневичей виден здесь

четко, и иных «старинных барских особняков с садом» на этой, четной, стороне переулка попросту нет. Проведенная на рубеже 1970 – 1980-х гг., а затем в 1990-х гг. реставрация усадебного комплекса (о чем знатоки Москвы знают) была сделана, по-видимому, на основании аутентичных чертежей¹⁵.

Установление этого обстоятельства достаточно важно, поскольку, по нашему мнению, именно в «доме Гриневичей» в Савеловском переулке Бердяевы и отмечали наступление нового, 1914 года – торжество, не раз описанное в мемуарной литературе как крайне важное для многих его участников.

Так, Лидия Иванова, дочь Вячеслава Иванова, приехавшая в середине 1913 г. из Рима в Москву поступать в консерваторию (осенью к ней присоединились сам Иванов, его новая жена Вера Шварсалон с маленьким сыном Дмитрием) вспоминала: «Зимний сезон 1913/14 в Москве был необычайно возбужденный и радостный. Было ли это подсознательным предчувствием, что идет последний светлый и беспечный год? Или у всех были точно завязаны глаза? Люди жадно веселились: театры, концерты, а главное, балы: всем хотелось танцевать»¹⁶. По свидетельству Ивановой, ей особенно запомнился «бал у Бердяевых», где она появилась в сшитом Верой Шварсалон костюме итальянской цветочницы: «Бердяевы – Николай Александрович, его жена Лидия Юлифовна и ее сестра Евгения Юлифовна Рапп – жили в центре города, где-то в переулках между Арбатом и Остоженкой, в старом барском особняке. У них был чудный двусветный большой зал прекрасной архитектуры. Они любили время от времени собирать изрядное количество друзей у себя в зале и в шутку называли эти вечера “балами”. Но на святках 1913/14 они пригласили друзей действительно на бал, и даже костюмированный. Было чрезвычайно весело, и мы танцевали»¹⁷.

Однако тот «бал» запомнился Лидии Ивановой не только веселыми развлечениями: «Но тут словно бы мимоходом прошла какая-то туча, которую, однако, не все заметили. В тот год появился в Москве, Бог знает откуда, какой-то мистик, высокий старик-швед с пышной бородой, длинными волосами, как-то странно одетый. Он был принят у многих наших друзей. На этот раз он оказался на балу у Бердяевых. Я была слишком увлечена танцами в кружке молодежи, чтобы подходить к нему и его слушать, но знаю, о чем он говорил, со слов Лидии Юлифовны (Бердяевой. — А. К.): “Вот, вы все радуетесь, встречаете Новый год. Слепые! Наступает ужасная пора. Кровавый 1914 год открывает катаклизм, целый мир рушится...” И прочее в этом духе»¹⁸.

Эти мемуары можно дополнить воспоминаниями самого Н.А. Бердяева, который написал в «Самопознании», что «таинственный швед» поселился у них в доме за несколько дней до новогоднего бала: «Очень запомнился мне один очень яркий человеческий образ. Однажды во-

шел к нам в столовую во время завтрака таинственный человек. Все почувствовали странность его появления. Это был *nordischer Mensch* (человек нордического типа. — А. К.), напоминающий викинга: огромного роста, очень красивый, но уже среднего возраста, с падающими на плечи кудрями, одетый в плащ. На улице он ходил без шляпы. Когда мы ходили с ним по Москве, то он обращал на себя всеобщее внимание... Он оказался шведским врачом Любеком. Он специально был направлен ко мне и проникся ко мне большой симпатией. Более всего поражал Любек своей пронизательностью, близкой к ясновидению... Любек встречал с нами Новый год, это был канун 1914 года... Было большое общество, и все пытались делать предсказания на следующий год. О войне никто не думал. Любек сделал следующее предсказание. В наступающем году начнется страшная мировая война, Россия потерпит поражение и будет обрезана в своей территории, после этого будет революция»¹⁹. Сбылось впоследствии и другое предсказание д-ра Любека — о том, что сам Бердяев скоро станет профессором Московского университета! Тогда это тоже казалось немыслимым: ведь Бердяев не имел не только докторской, но и магистерской степени. Тем не менее, в 1920 г. это случилось!

В Москве до начала 1960-х гг. существовал еще один «бердяевский адрес» — дом Аделаиды Герцык и ее мужа Д.Е. Жуковского в Кречетниковском переулке²⁰, где Николай Александрович, приезжая в Москву из имения Бабаки под Харьковом, несколько раз останавливался в первую военную зиму 1914 — 1915 гг., пытаясь найти стабильный журналистский или лекторский заработок. В январе 1915 г. он приехал сюда в очередной раз с Лидией Юдифовной — как они думали, всего на несколько дней. Евгения Герцык, также жившая тогда в доме в Кречетниковском, вспоминала: «Квартира в переулке у Новинского <бульвара>, снежные сугробы во дворе. Жили мы тихо, притаясь, оглушенные совершавшимся. С приездом Бердяевых хлынули люди, закипели споры. В один из первых дней Николай Александрович, возвращаясь с какого-то собрания, поскользнулся и сломал ногу. Когда его вносили в дом, он доспаривал с сопровождавшим его знакомым на какую-то философскую тему. Потом два месяца лежания, нога во льду, в лубках, сращение перелома затянулось. Друзья и просто знакомые навещают его. Телефонные звонки, уходы, приходы, все обостряющиеся споры между ним и Булгаковым, Вяч. Ивановым, которых захватил шовинистический угар. Приезжие из Петербурга, с фронта»²¹.

Е. Герцык свидетельствует: в те недели неожиданно дали о себе знать польские корни и полонофильские симпатии Бердяева; многие близкие впервые узнали, что его крестной матерью была графиня Елизавета Красинская (в девичестве Браницкая), жена знаменитого польского поэта Сигизмунда Красинского, наследника

таланта и политических убеждений Адама Мицкевича. «Новыми были хлынувшие из Варшавы беженцы-поляки, у некоторых из них создается живой контакт с Бердяевым, разговор переходит на французский язык, на очереди вопросы польского мессианизма. На нашем давно молчавшем пианино играет Шимановский, талантливый композитор-новатор... Николай Александрович глубоко переживал трагическую судьбу этого народа. Вообще в это время у него обострился интерес к вопросам национальностей. Не так, как у славянофилов или тогдашних эпигонов их, чувствующих только одну свою народность — он же остро вникал в особенности каждой нации... Но так же, как шовинизм, ненавистен ему и пацифизм, уклонение от ответственности за судьбу родины. Любовь к России как вино ударила ему в голову»²².

Перейдем, наконец, к описанию последнего, самого длительного и насыщенного этапа пребывания Н.А. Бердяева в Москве — того периода, когда он жил в ставшем, благодаря ему, знаменитым доме в Большом Власьевском переулке. Увы, именно этот, последний московский адрес Бердяева стал предметом уникальной в своем роде путаницы, не делающей чести некоторым «биографам»²³.

Есть немало свидетельств тому (в первую очередь это личная переписка Н.А.), что Бердяевы поселились по адресу «Большой Власьевский переулок, д. 14, кв. 3» в конце сентября 1915 г. Этому предшествовали долгие поиски подходящей квартиры: ведь там предстояло разместиться не только Николаю Александровичу (с разросшимся архивом и библиотекой), Лидии Юдифовне и Евгении Юдифовне, но и больному отцу Бердяева Александру Михайловичу, который после смерти в 1914 г. старшего сына Сергея остался в Киеве один. Наконец, нужная квартира из шести комнат была найдена: она состояла из трех спален, кабинета (где Бердяеву на ночь стелили на диване), гостиной и столовой. Часть окон выходила в переулок; другая часть, в том числе окна кабинета Бердяева — во двор, где стоял (и стоит сейчас) другой примечательный дом, имеющий свою историю.

В литературе о Бердяеве часто можно встретить утверждение, что последние перед высылкой годы он жил в «бывшем доме Герцена» (детали варьируются). На самом деле, дом, действительно связанный с семьей Герцена, находится во дворе «бердяевского» дома (сейчас он, надстроенный одним этажом, значится по адресу «Большой Власьевский, д. 14, корп. 2). Александр Иванович Герцен, как известно, родился в 1812 г. в доме дяди на Тверском бульваре. В 1824 г. Иван Алексеевич Яковлев (отец Герцена) приобрел, наконец, собственный дом в обширном дворе между двумя Власьевскими переулками. Здесь А.И. Герцен прожил с родителями почти десять лет, до 1833 г., когда его отец купил у графини РаSTOPЧИНОЙ особняк на Сивцевом вражке (так называемый большой дом).

То, что «дом Бердяева» и «дом Герцена» не следует путать, убеждают многочисленные мемуары. Ограничимся здесь лишь воспоминаниями литератора Бориса Зайцева, часто посещавшего квартиру Бердяева в послереволюционные годы и хорошо знавшего настроения «бердяевского кружка»: «Раз меня поразило определенно отрицательное отношение к Герцену. Дело было так. Окно кабинета Николая Александровича во Власьевском переулке выходило в глубь двора. Там стоял дом. Во время европейской войны там помещался госпиталь. Затем туда вселился неизвестно кто. Домик подвергнулся разграблению, кажется, был частично пожар, а затем дом стал разрушаться, стоял без окон и дверей. Это был дом, в котором одно время жил Герцен, его только не следует смешивать с домом, в котором родился Герцен, на Тверском бульваре. Все стояли у окна кабинета. Бердяев сказал, смотря на остатки здания: “Вот плод взглядов Герцена — достойный пример того, к чему вели Россию Герцен и иже с ним”. Букштин (?) и Грифцов сочувственно подхватили слова Бердяева»²⁴.

Дом Бердяева в Большом Власьевском переулке находился совсем рядом с Церковью св. священномученика Власия Севастийского, активным членом приходского совета которой Николай Александрович являлся (Лидия Юдифовна, принявшая летом 1918 г. католичество, стала прихожанкой греко-католической общины В.В. Абрикосова²⁵).

А между жилищем Бердяевых и оградой храма св. Власия росли великолепные вековые дубы, каждый из которых имел свое имя²⁶ и несомненно помнящие еще юного Герцена. Автор этой статьи склонен с большой долей уверенности утверждать, что именно эти дубы (а, возможно, какой-то из них конкретно) воодушевили Бердяева на написание одного из его самых знаменитых текстов тех лет.

Дело в том, что одной из первых работ Н.А. Бердяева, написанной в квартире в Большом Власьевском, стала статья «Дух и машина», первоначально опубликованная в газете «Биржевые ведомости» за 12 октября 1915 г. и включенная затем Бердяевым (в качестве завершающей) в знаменитый сборник «Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности»²⁷. Эту статью, направленную против ставших популярными в первые месяцы мировой войны неославянофильских утверждений о превосходстве «русского духа» перед «германской машиной», Бердяев начинает словами: «Никогда еще так остро не стоял вопрос об отношении духа и машины, как в наши дни. Мировая война очень заостряет эту тему. Наши споры о германизме вращаются вокруг темы — дух и машина. Нельзя отрицать, что в Германии было много духа, и Германия же пришла к самым совершенным образцам механизации и машинизации. Германская машина, как бы выброшенная из недр германского духа, идет впереди, она задавала тон в жизни мирной, а теперь задает тон в войне»²⁸. «Но можно ли сказать, что дух погибает в этой материализации, что машина изгоняет его из

жизни?», — задается вопросом Бердяев. И отвечает: «Я думаю, что это слишком поверхностный взгляд. Смысл появления машины и ее победоносного движения совсем не тот, что представляется на первый взгляд. Смысл этот — духовный, а не материальный. Сама машина есть явление духа, момент в его пути».

И далее Бердяев разворачивает целую цепочку умозаключений, метафорическим стержнем которых становится образ «цветущего дуба», несомненно навеянный автору дубовой рощицей перед окнами рабочего кабинета: «Прекрасен цветущий дуб и уродлива машина, оскорбительна для глаза, уха и носа, нимало не радует. Мы любим дуб и хотели бы, чтобы он унаследовал вечность и чтобы в вечной жизни мы сидели под цветущим развесистым дубом. Машину же любить мы не можем, в вечности ее увидеть не хотели бы, и в лучшем случае признаем лишь ее полезность. И как соблазнительно желание остановить роковой процесс жизни, ведущий от цветущего дуба к уродливой и смрадной машине»²⁹.

Бердяев, однако, уходит от легковесных противопоставлений и постулирует, что «переход от органичности дерева, от благоухающей растительности к механичности машины, к мертвящей искусственности должен быть пережит и прожит религиозно»: «Чтобы воскреснуть, нужно умереть, пройти через жертву. И переход от органичности и целостности к механичности и расщепленности есть страдальческий, жертвенный путь духа. Эта жертва должна быть сознательно принята. Через нее лишь достигается свобода духа. Машина есть распятие плоти мира, вознесение на крест благоухающих цветов и поющих птиц. Это — Голгофа природы. В неотвратимом процессе искусственной механизации природа как бы искупает грех внутренней скованности и вражды»³⁰.

В «Духе и машине» Бердяев утверждает, что его оппоненты-неославянофилы — это «реакционеры-романтики, в тоске и страхе держащиеся за отходящую, разлагающуюся старую органичность, боязливые в отношении к неотвратимым процессам жизни». «И как мало, — восклицает Бердяев, — эти люди верят в дух, в его бессмертие и неистребимость, в его неодолимость темными силами»³¹.

Образ «дуба» продолжает оставаться центральным звеном и последующих рассуждений Бердяева: «То, что было вечно в дубе... то преобразится и пребудет в духе, то сохранит свою непреходящую форму, освобожденную от материальной тяжести и скованности... Истинная жизнь — творимая жизнь, а не исконно данная жизнь, не органически элементарная, животное-растительная жизнь в природе и обществе»³². Бердяев завершает статью словами: «В старый рай под старый дуб нет возврата... Если Россия хочет быть великой Империей и играть роль в истории, то это налагает на нее обязанность вступить на путь материального технического развития. Без этого решения Россия попадет в безвыходное положение. Лишь на этом пути освободится дух России и раскроется ее глубина»³³.

Обстановку бердяевской квартиры в Большом Власьевском описала в своих «Воспоминаниях» Е.К. Герцык: «Вечер. Знакомыми Арбатскими переулочками — к Бердяевым. Квадратная комната с красного дерева мебелью. Зеркало в старинной овальной раме над диваном. Сумерничают две женщины: красивые и приветливые — жена Бердяева и сестра ее. Его нет дома, но привычным шагом иду в его кабинет. Присаживаюсь к большому письменному столу: творческого беспорядка никакого, все убрано в стол, только справа слева стопки книг. Сколько их: ближе — читаемые, заложенные, дальше — припасенные вперед. Разнообразие: Каббала, Гуссерль и Коген, Симеон Новый богослов, труды по физике, а поодаль непременно роман на ночь — что-нибудь изысканное у букиниста: Мольмот Скиталец. Прохаживаюсь по комнате: над широким диваном, где на ночь стелется ему постель, распятие черного дерева и слоновой кости — мы вместе его в Риме купили. Дальше на стене акварель — благоговейной рукой изображена келья старца. Рисовала бабка Бердяева: родовитая киевлянка, еще молодой она подпала под влияние схимника Парфения»³⁴.

А писатель Б.К. Зайцев оставил заметки об «обществе», собиравшемся у Бердяева в последние перед высылкой из России годы: «Окружение Бердяева было всегда очень интересным, он ценил людей по их значимости, а не по степени близости их к собственным его взглядам. Можно сказать, что при всем многообразии лиц, являвшихся постоянными посетителями Бердяева, было что-то общее у всех. Они разделяли многие симпатии и антипатии, в иных вопросах они точно вперед сговорились. Из гениев русской культуры Бердяев и его окружение больше всего ценили Достоевского и Вл. Соловьева».³⁵

С Н.А. Бердяевым связаны, разумеется, и многие другие адреса в Москве. Назовем, конечно, храм Святителя Николая в Кленниках в начале Маросейки, где служил духовник Бердяева, старец в миру Алексей Мечев. В 1922 г. он благословил высылаемого из России Бердяева: «Вы должны ехать. Ваше слово должен услышать Запад».

Нельзя обойти вниманием и квартиру композитора А.Н. Скрябина по адресу «Николопесковский переулок, д. 11», которую часто посещали Бердяевы (сегодня здесь мемориальный музей с сохранившейся обстановкой тех лет).

Два московских адреса: Леонтьевский переулок, д. 16 и Большая Никитская, д. 24 (оба дома сохранились) связаны с работой Бердяева в 1918 — 1922 гг. в так называемой «Лавке писателей», книготорговом предприятии на паях, где, помимо него, сотрудничали М.А. Осоргин, Б.К. Зайцев, Б.А. Грифцов и др.

...Старая Москва запомнила самобытный облик Николая Александровича Бердяева: «Высокий, чернявый, кудрявый, почти до плечей разметающийся гривою, высоколобый, щеками румяными, с черной бородкой и синим, доверчивым глазом» (Андрей Белый

о «ранне-московском» Бердяеве); «в светло-сером пальто, в шляпе светло-кофейного цвета с полями, в таких же перчатках и с палкой» (он же о Бердяеве-москвиче позднего периода).

Современная Москва в долгу перед прославившим ее замечательным мыслителем и гражданином.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бердяев неоднократно – и до вынужденной эмиграции, и позже – писал, что «умственная насыщенность московской жизни» ближе ему по духу, чем жизнь в Санкт-Петербурге, Берлине или Париже. Впервые методология «философского краеведения» была применена автором этой статьи к изучению жизни и творчества Б.К. Зайцева (см.: *Кара-Мурза А.А. Данте и Пушкин (Флорентийско-московские размышления Б.К. Зайцева)* // Россия, история, политика: к 80-летию И.К. Пантина. – М., 2010. С. 133 – 154).

² В некоторых из своих многочисленных (и весьма противоречивых) мемуаров Андрей Белый утверждал, что Бердяев «появился в Москве в 1905 – 1906 гг.», но это является или очевидной ошибкой памяти, или нередкой для Белого-мемуариста небрежностью. Наиболее авторитетным свидетельством в этом смысле мне представляются воспоминания всегда точной в деталях Евгении Казимировны Герцык, которая относит переезд Бердяева в Москву именно к осени 1908 г.: «Он (Бердяев. – А. К.) был бездомным, только что порвавшим с петербургским кругом модернистов... Бездомный, переживший лихорадку отъезда и вдруг опять помолодевший, посветлевший, полный творческого бурления – как он мне был нужен такой весною девятого года... *С осени* (курсив мой. – А. К.) он с женою поселился в Москве, в скромных меблированных комнатах...» (*Герцык Е.К. Воспоминания. – Париж, 1973. С. 120*).

³ В начале 1903 г., отбывая ссылку в Житомире, Бердяев венчался с дочерью губернского почтмейстера В.А. Семенова – Еленой Васильевной. У них родилась дочь, которая, к несчастью, вскоре умерла и была похоронена на одном из житомирских кладбищ. Второй брак Бердяева был, как известно, гражданским.

⁴ *Герцык Е.К. Воспоминания. С. 120.*

⁵ Именно в этом особняке, специально перестроенном М.К. Морозовой для заседаний МРФО, 26 мая 1917 г. прошло заседание в память о недавно умершем В.Ф. Эрне. Одним из главных докладчиков выступил Н.А. Бердяев.

⁶ Здесь, например, 26 января 1911 г. состоялась известная дискуссия Бердяева с Ф.А. Степуном после доклада Эллиса (Л. Кобылинского) об отношениях католицизма и символизма.

⁷ «Ям» в Москве было несколько. В «Самопознании» сам Бердяев вспоминает трактир в Мясницкой части, около церкви Фрола и Лавра (см.: *Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии).* – М., 1990. С. 180).

⁸ Многие москвичи хорошо знают это место. В 1970 – 1980-е гг. здесь, в подвале дома на углу Рождественки (тогда улицы Жданова) и Пушечной (я жил тогда в каких-нибудь двухстах метрах) располагалось популярное рыбное кафе «Сардинка», сыгравшее, по воспоминаниям участников, немалую роль в становлении рок-группы «Машина времени».

⁹ *Панкратов А.С. Ищущие Бога. Очерк современных исканий и настроений.* – М., 1911 (цит. по: Н.А. Бердяев: pro et contra. Антология. Кн. 1. – СПб., 1994. С. 35 – 36).

¹⁰ Там же.

¹¹ *Герцык Е.К. Воспоминания. С. 122.*

¹² *Сестры Герцык. Письма.* – СПб., 2002. С. 606.

¹³ *Герцык Е.К. Воспоминания. С. 125.*

¹⁴ В коллекции члена Императорского Московского археологического общества Эмилия Владимировича Готье-Дюфайе эти фотографии значатся под номерами 2329/52 и 2485/16.

¹⁵ В 1999 г. Постановлением Правительства Москвы за подписью мэра Ю.М. Лужкова усадьбный комплекс на правах долгосрочной аренды был передан некоему ООО «Сол-ТН».

¹⁶ Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце. – М., 1992. С. 54.

¹⁷ Семнадцатилетняя Лидия Иванова, лишь полгода назад приехавшая тогда в Москву, еще несколько путается в московской топографии. «Бал у Бердяевых» имел место, без всякого сомнения, в особняке Гриневичей в Савеловском переулке, т.е. не «*между Арбатом и Остоженкой*», а между Остоженкой и Москвой-рекой. «Чудный двусветный зал прекрасной архитектуры» – это и есть первоначальное жилище Бердяевых в доме Гриневичей.

¹⁸ Иванова Л. Воспоминания. С. 54.

¹⁹ Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). С. 183 – 184. Добавлю, что доктор Эдвард Вильгельм Любек, известный врач-психиатр, имевший в Финляндии клинику-санаторий для лечения нервных болезней, в июне 1919 г. покончил жизнь самоубийством.

²⁰ Этот дом по адресу «Кречетниковский переулок, д. 13» просуществовал вплоть до начала 1960-х гг. и был снесен (как и весь окружающий его квартал) при прокладке Нового Арбата.

²¹ Герцык Е.К. Воспоминания. С. 132 – 133.

²² Там же. С. 133.

²³ Так, во вкладке иллюстраций к очень добротной в целом книге О.Д. Волкогоновой о Бердяеве из серии «ЖЗЛ» (вкладке, сделанной, по утверждению автора, без согласования с ней) помещена фотография с подписью, являющейся верхом некомпетентности: «Власьевский переулок в Москве. Церковь Успения на Могильцах. Рядом, в доме 4, жили Бердяевы». На самом деле Бердяевы жили в доме №14 по Большому Власьевскому переулку рядом с церковью св. Власия, т.е. весьма далеко от изображенного на фото храма Успения Божьей Матери на Могильцах. Путаница с адресами Бердяева перекочевала и в «Хронику жизни и творчества Н.А. Бердяева», приложенную к совсем свежему тому о Бердяеве в серии «Философия России первой половины XX века». Автор «хроники» почему-то относит к 1916 г. «*переезд в Москву, в квартиру в Малом Власьевском переулке, 14, кв.3*» (см.: Николай Александрович Бердяев. – М., 2013. С. 508). Здесь в одной строчке сразу две ошибки: в *Большом* Власьевском переулке Бердяев поселился в конце сентября 1915 г. Чтобы поставить окончательную точку в этом вопросе достаточно посмотреть материалы двух арестов и последующих допросов Н.А. Бердяева в 1920 и 1922 гг., где везде значится один и тот же официальный адрес: «Большой Власьевский переулок, д. 14».

²⁴ См.: Н.А. Бердяев: pro et contra. Антология. Книга 1. – СПб., 1994. С. 64. Добавим только, что «Букштин» у Зайцева – это наверняка Яков Михайлович Букшпан, экономист, участник (вместе с Бердяевым) известного сборника 1922 г. «Освальд Шпенглер и Закат Европы» (расстрелян в 1939 г.).

²⁵ В сентябре 1922 г. В.В. Абрикосов был выслан из России тем же самым «философским пароходом», что и Бердяевы.

²⁶ Один из этих уникальных дубов, ставший достопримечательностью старой Москвы, растет во дворе дома Бердяева до сих пор. Это дуб «Филимон», которому более 200 лет, что удостоверяет поставленная горожанами табличка. «Филимон» стал героем московского фольклора, что передал в своем стихотворении поэт-москвич Илья Фаликов: «Дуб по имени Филимон посреди безымянной флоры, // Посреди безымянной флоры дуб по имени Филимон. // Он единственный старожил – проходимцы, фигляры, воры, // Финансисты, гипнотизеры напирают со всех сторон. //

Уроженец, абориген, не захватчик и не лимитчик, // Не хомячит куски халявы, не добытчик и не купец, // Не выдумывает родни, с документами не химичит, // Не накручивает на спиле не своих годовых колец...» (Новый мир. 2012. № 8).

²⁷ См.: Бердяев Н.А. Дух и машина // Бердяев. Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. – М.: изд. Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1918. С. 233 – 240.

²⁸ Там же. С. 233.

²⁹ Там же. С. 236.

³⁰ Там же. С. 236 – 237.

³¹ Там же. С. 237.

³² Там же. С. 239.

³³ Там же. С. 240.

³⁴ Герцык Е.К. Воспоминания. С. 117. Бабка Бердяева по отцу, урожденная княжна Бахметьева, еще при жизни мужа, генерала М.Н. Бердяева, приняла монашеский постриг.

³⁵ Н.А. Бердяев: pro et contra. С. 64.

REFERENCES

Berdyayev N.A. Dukh i mashina // Berdyayev N.A. Sud'ba Rossii. Opyty po psikhologii voyny i natsional'nosti. – Moscow, 1918.

Berdyayev N.A. Samopoznanie (opyt filosofskoy avtobiografii). – Moscow, 1990.

Falikov I.Z. Dub po imeni Filimon // Novyy mir. 2012. № 8.

Gertsyk E.K. Vospominaniya. – Paris, 1973.

Ivanova L. Vospominaniya. Kniga ob ottse. – Moscow, 1992.

Kara-Murza A.A. Dante i Pushkin (Florentiysko-moskovskie razмышleniya B.K. Zaytseva) // Rossiya, istoriya, politika: k 80-letiyu I.K. Pantina. – Moscow, 2010.

N.A. Berdyayev: pro et contra. Antologiya. Book 1. – St. Petersburg, 1994.

Nikolay Aleksandrovich Berdyayev. – Moscow, 2013.

Pankratov A.S. Ischuschie Boga. Ocherk sovremennykh iskanii i nastroeniy. Moscow, 1911.

Sestry Gertsyk. Pis'ma. – St. Petersburg, 2002.

Аннотация

Русский философ Николай Александрович Бердяев (1874 – 1948) до своей высылки из Советской России в 1922 г. в разные годы подолгу жил в Москве (1908 – 1911; 1913 – 1914; 1915 – 1922). На большом фактическом материале автор уточняет московские адреса Бердяева, показывает, как обстоятельства жизни Бердяева в Москве были связаны с различными этапами его философского творчества и общественной жизни.

Ключевые слова: Москва, общественная жизнь, философия, христианство, Первая мировая война, революция, эмиграция.

Summary

Russian philosopher Nikolai Aleksandrovitch Berdyayev (1874 – 1948) lived in Moscow for long periods of time in different years (1908 – 1911; 1913 – 1914; 1915 – 1922) until his exile from Soviet Russia in 1922. Based on a considerable factual material the author determines Berdyayev's Moscow addresses, shows how Berdyayev's Moscow circumstances were related to different stages of his philosophical work and public life.

Keywords: Moscow, public life, philosophy, Christianity, WW1, revolution, emigration.